

Козарезова Ольга Олеговна

кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Московского государственного
педагогического университета
dom-hors@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ «ДВУХ ГРАДОВ»
АВГУСТИНА И ТРИНИТАРИЙ
ВОПРОС В ИСТОРИОСОФИИ
ИОАХИМИЗМА**

Аннотация:

Данная статья посвящена описанию исторической концепции св. Августина и представляет раскрытие троического богословия Отцов католической церкви Средневековья.

Ключевые слова:

церковная история, христианство, католическая церковь, патрология.

Kozarezova Olga Olegovna

PhD,
Assistant Professor of
the Cultural Science Department,
Moscow State Pedagogical University
dom-hors@mail.ru

**ST. AUGUSTINE'S CONCEPTION OF
'TWO CITIES' AND TRINITARIAN ISSUE
IN HISTORIOSOPHY OF
JOACHIMISM**

Summary:

The article describes historic conception of St. Augustine and Trinitarian theology of the Fathers of the Catholic Church of the Middle Ages.

Keywords:

Church history, Christianity, Catholic Church, patrology.

Историософия западноевропейского Средневековья, как известно, тесно связана с учением бл. Августина о царстве Божием, изложенным в знаменитой книге "De civitate Dei". Как отмечают многие исследователи творчества Августина (в частности А. Герье, Ч. Коплстон, Э. Жильсон), его философия истории, основанная на учении о Царстве Божием как конечной цели развития человечества, явилась отправной точкой в формировании средневековой западноевропейской теократии. Так, согласно учению Августина, исторический процесс вписывается в пространство Церкви: история открывается «Бытием» и заканчивается «Апокалипсисом», таким образом, история земная оказывается связана с историей небесной, и связь эта видится в личности Христа, открывшего путь к новому царству – царству Небесному. Такая картина мира была отлична от античного понимания истории, где мир жил воспоминанием прошлого, «золотого века», а не ожиданием грядущего, где история развивалась циклично, а существующий мир был лишь частью космоса, управляемым богиней судьбы Ананке. Веретено Ананке – представляло собой ничто иное как вращение небесных сфер, отсюда вся история – это движение по кругу, и цель человечества состоит в том, чтобы вернуться к началу, к истокам, к утраченному золотому веку, где люди уподоблялись богам. Именно поэтому древнему греку не приходила в голову идея прогресса – античный мир ему кажется статичным, как будто бы замершим на месте, в античной поэзии мы найдем плачь по прошлому, сожаление по настоящему и тревогу по будущему. Именно с таким циклическим развитием мира связано учение о метемпсихозе в античной философии, наиболее ярко отразившееся в орфизме и пифагорействе.

Средневековое понимание истории было иным: Священное Писание открывается творением мира и человека, его жизнью в раю, затем грехопадением и изгнанием из рая, а заканчивается Парусией и созданием Новой земли и нового Неба. Здесь мир развивается не по кругу, а движется по спирали – от создания человека и грехопадения (начало земной истории – с закрытия врат рая), до воссоздания его во Христе (Новый Адам) и основания Небесного Иерусалима. Согласно Августину, земная история конечна, и в Откровении Иоанна описываются последние времена, пришествие Антихриста, гибель земного царства и утверждение с пришествием Христа-Спасителя царства небесного – «новой земли и нового неба. Этот небесный град – вечен, и именно к этому небесному граду стремиться человек. Цель истории – Царство Божие, а не царство земное. В своей концепции он опирается на слова апостола Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Ин. 21.1).

Теория «Двух градов» в философии Августина родилась не случайно – книга была написана тогда, когда некогда могучая Римская империя дожидаясь свои последние дни – орды варваров, ворвавшись в вечный город, подвергли его жесточайшему разграблению [1]. Для человека, воспитанного на античной культуре, получившего блестящее образование в риторской школе, для знатока античной литературы и поэзии – это было сокрушительным ударом. Действительно, древний мир переживал конец истории – конец земного царства. Но взор филосо-

фа был обращен в грядущее – не здесь, а там начинается история иная: град земной преидет, град же небесный пребудет вечно. Отсюда рождается учение о Новом веке – времени свершения апокалиптического пророчества о всеобщем воскресении и восстановлении, а путь к этому воскресению лежит через искупительную смерть, распятие и Воскресение Христа. Такая интерпретация была прямо противоположна языческому миропониманию, так как центром истории, ее средоточием становится Христос. Путь к небесному царству лежит через страдание и смерть, поэтому Августин говорит о двух состояниях Церкви – церкви странствующей, переживающей нестроения и гонения мира сего, и церкви торжествующей – церкви будущего века, преодолевшей все невзгоды тернистого земного пути. Символом странствия является земная жизнь Христа, завершившаяся Голгофой и Распятием, символом Нового века является второе пришествие Христа, которое некоторые богословы называли эрой Духа [2; 3, с. 45, т. 2]. Подтверждением этого являются следующие слова Августина: «Nec nos moveat, quod in hac vita secundum carnem, quam portant, justi multa gravia et aspera tolerant. Nihil enim mali patiuntur, qui jam possunt dicere, quod vir spiritualis exultat et praedicat apostolus dicens: gloriatur in tribulationibus, scientes, quoniam tribulatio patientiam operatur, patientia probationem, probatio spem, spes autem non confundit. Quia caritas diffusa est in cordibus nostris per spiritum sanctum, qui datus est nobis» (да не слушают нас, что в этой жизни даже страдания плоти, множество болезней и лишений справедливые претерпевают, ибо никакого зла не претерпевают те, кто могут сказать, что это воспевают муж духовный и проповедует апостол, говоря: славимся в скорбях, зная, что от скорби приходит терпение, от терпения опыт, от опыта надежда, сама надежда не постыжает, поскольку божественная милость разлита в наших сердцах через Духа Святого) [4; 5, с. 105]. Иными словами, человек, в результате грехопадения, утратил прежнее бессмертие, став смертным, но победить тление он может только через Христа, Распятого и Пострадавшего за нас, поэтому история Церкви странствующей, равно как и история земная – это путь лишений и страданий, через которые человечество очищается. Отсюда, мир живет не воспоминанием прошлого, а ожиданием будущего – история движется от Ветхого Завета к Новому и завершается в жизни будущего века, когда «наступит полное, несомненное, безмятежное и вечное счастье» [6; 7, с. 30]. Такая интерпретация позволила рассматривать историю сквозь призму провиденциализма и телеологизма. В результате некоторые богословы, отталкиваясь от учения Августина, пошли дальше, разделяя исторический процесс на три этапа по числу лиц Троицы, в результате чего Бог открывался миру сначала как Отец, затем как Сын, и в конце истории как Дух. Такая интерпретация была не новой – ее можно было встретить в учении хилиазма, который был осужден на первом Вселенском соборе как ересь, в результате чего в «Символе веры» появляются такие слова: «Верую... И в духа Святого, Животворящего, иже от Отца исходящего. Иже со Отцем и Сыном спокланяемого и славимого» [8; 9, с. 2]. Понимание истории в духе хилиазма исходило из еретического учения, рассматривающего Божественные ипостаси как модусы, отрицая, тем самым, их единосущие. Модализм мы находим в тринитарной концепции Савеллия, у которого Отец, Сын и Святой Дух являлись всего лишь действиями единого Бога. Сам Августин был далек от такого понимания Троицы, для него Святая Троица воздействует на мир целостно и одинаково, в связи с этим невозможно рассматривать лица Троицы отдельно, уподобляя их трем богам: «nec eos audiamus, qui indignatur et stomachatur, quia non tres deos colendos dicimus. Nesciunt enim, quid sit una eadem una substantia...» (не будем слушать тех, кто обижаются и раздражаются. Когда мы говорим не о почитании трех богов, поскольку они не ведают, что будет единая для себя субстанция) [10; 11, с. 108]

Ересь тринитаризма, подавленная на Востоке в IV в., окончательно угасла к V–VI столетиям. На Западе ситуация складывалась иначе – там достаточно долго боролись с арианством, в котором проявлялся отголосок тринитарной ереси, вследствие чего позднее была сделана знаменитая вставка *Filioque*. Что касается тринитаризма, то следы его прослеживаются на протяжении XI–XII вв. в ереси бегинов и бегардов, патаренов, катар и альбигойцев. И, наконец, элементы его появляются в учении двух известных богословов XII–XIII столетий – Иоахима Флорского и Петра Оливи. Так, у Петра Оливи ипостаси Троицы располагаются в некую трехчленную иерархию, где одно Лицо оказывается подчинено другому. Согласно этой концепции, история развивается поступательно – от отца к Сыну, от Сына к Духу, в результате чего равенство лиц Троицы оказалось нарушено. Сходная позиция была и у Петра Абеляра, который утверждал, что Дух исходит от Отца и Сына, но не из их субстанции. Это убеждение заставило Бернара Клервосского дать четкое опровержение [12; 13, с. 105].

Огромное влияние на культурную жизнь Европы оказало также учение Иоахима Флорского. Истоки его лежали в том же субординационизме. Так, Иоахим полагал, что пройдя стадию Ветхого Завета – эпоху Отца и стадию Нового Завета – эпоху Сына, мир стоит на пороге нового времени – эпохи Духа. Свою концепцию истории Иоахим пытался вывести из учения Августина,

ссылаясь на его деление исторического процесса на шесть эпох по числу дней творения. Но от Августина его отделяло иное понимание Троицы, а также то, что буквалистски, интерпретируя ветхозаветное число 1260, Иоахим относил ее к своему времени, считая, что католический мир и Церковь стоят на пороге Третьего Завета – эры св. Духа, когда царство Божие становится реальностью. Согласно Иоахиму, существующая Церковь доживает последние дни – в скором времени ее должен будет сменить новый духовный орден. Такая интерпретация истории вызвала бурную полемику в церковных кругах, в результате чего учение Иоахима о Троице было признано еретическим [14].

Вместе с тем, ситуация складывалась так, что идеи Иоахима Флорского сделались необычайно популярными в народной среде. Связано это было с критическим положением католической Церкви, все более узурпировавшей мирскую власть и в результате переживающей процесс обмирщения. Отсюда, все чаще слышались призывы о реформе внутри самой Церкви, в результате чего появились новые монашеские ордена, также поднимали голову и народные движения, тесно связанные с антицерковными еретическими движениями.

Дух *renovatio*, охватившей народные массы, был настолько силен, что Церковь была вынуждена прибегнуть к самым крайним мерам, в результате чего появляется доминиканский орден, задачей которого являлась борьба с ересями, в частности с альбигойской ересью. Как известно, альбигойцы, в ответ на проповедь католической Церкви, оказали бурное сопротивление. В результате начинается затяжной период альбигойских войн, который хоть и закончился формально победой католиков, но в реальности привел еще к большему противостоянию между народными массами, видевшими в католической Церкви и папе Антихриста, а в свершившихся событиях конец времен, и учеными кругами, осудившими открыто ересь тринитаризма. Что касается учения Августина, то и те, и другие круги принимали его теорию «Двух градусов», но по-разному ее интерпретировали: последователи хилиазма, воспринимая Лица Троицы как модусы, соответственно рассматривали и историю как поэтапную смену трех эпох, сторонники же католической ортодоксии опирались на учение о единости трех Лиц, но вставка «Филиокве», утверждавшая что Дух исходит от Отца и Сына, заставляла опять-таки модалистски трактовать догмат и соответственно также рассматривать историю как смену эпох с тем отличием, что времени конца света никто не может знать, ибо в Писании сказано, что Христос явится внезапно, Его пришествие будет подобно молнии с неба.

Тринитарные споры, начавшиеся в IV в. и нашедшие продолжение в еретических движениях западноевропейского Средневековья, нашли свое прямое воплощение в средневековом искусстве. Именно на западе в 13–14 вв. постепенно меняется иконография Троицы: появляется новое изображение, известное под названием «Отечество» или «Троица Новозаветная», где Бог-Отец изображается в виде седовласого старца, на коленях его сидит Бог-Сын, Который держит в руках голубя – символ святого Духа. Такое изображение как раз и показывает субординацию, где Лица Троицы распределены иерархически, что само по себе нарушает учение о единости и нераздельности Троицы. Голубь в руках Христа, сидящего на коленях Отца, указывает на исхождение Духа от Отца и Сына – учения, принятого на Западе под формулой «Филиокве». В это же время (13–14 вв.) в искусстве Италии происходит переворот, впервые сделанный Джотто – светские элементы начинают все больше проникать в религиозную жизнь: так появляется жанр «истории» – библейского повествования, вписанного в светскую жизнь. На фресках Джотто святые, апостолы и пороки одеты в одежды современника, пейзаж также относит нас к Италии Средневековья, а не Израиля первых веков. Сделано это не случайно: пред нами прослеживается попытка вписать время первохристианской эпохи в современный контекст, попытка показать с одной стороны неразрывность времени, а с другой – попытка показать, что эра Христа еще не кончилась, хотя мир стоит уже на пороге нового времени – эры Духа, которая понимается как духовное обновление, духовное возрождение. Джотто, используя новые приемы, создавая объем, светотень, вводя библейских персонажей в современность, стремился отразить этот дух *Renovatio*, указать, что грядущее царство близко, что Христос уже стоит «при дверях». Знакомый с учением Франциска и его последователей, в том числе и «меньших братьев», увлеченных идеями иоахимизма, он понимал историю именно как поэтапную смену времен. Такая же интерпретация лежит и в творчестве фра Беато Анжелико: в картине «Благовещение» мы находим указание на начало новой эры – луч света и указующий перст Бога-Отца свидетельствуют о скором пришествии Христа и о конце ветхозаветной истории, лилия как символ девства Марии, белые одежды ангела, его движение говорят и о грядущей эре Духа, когда духовная красота заменит плотскую, когда там, в небесном граде люди «не женятся и не выходят замуж». От экспериментов Джотто, фра Анжелико, Боттичелли, дух Возрождения с его особым прочтением истории отразился и на картинах знаменитых титанов –

Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля. Ожиданием «Нового царства» были проникнуты и идеи Лютера, своим учителем считавшего Августина.

Что касается ереси тринитаризма, то помимо идей Иоахима Флорского и его многочисленных последователей, она нашла свое воплощение в концепции известных итальянских гуманистов – Марсилио Фичино, Николая Кузанского, Джованни Пико делла Мирандоллы. Так, Марсилио Фичино, говоря о Лицах Троицы как о неких действиях Бога, выстраивает в духе субординационизма следующую иерархию: на вершине Высший Бог – Свет и Разум, затем следует Логос – первородный Сын, за Ним – Дух Святой. Теорию Фичино продолжает Николай Кузанский [15, с. 90–93], который рассматривает происхождение всех вещей следующим образом: вначале – компликация (Бог-Отец), затем идет экспликация – (Сын), затем контракция (Дух). Отсюда история развивается в три этапа или в три эпохи по числу Лиц Троицы. Такой же концепции придерживался и Франческо Патрици, будучи последовательным сторонником тринитаризма.

Позиция гуманистов заставляла их видеть современность как проявление эпохи Духа – отсюда и рождается призыв к «новой универсальной философии» и новому универсальному знанию, что привело впоследствии к попытке создать новую универсальную религию, синтезирующую в себе духовный опыт других религий, в том числе и религии языческой. Именно с этой целью Марсилио Фичино обратился к изучению «Гремитического корпуса», увидев в нем этот универсализм, а Пико Мирандолла к кабалле. Что касается тринитарного богословия, то в работе Мигеля Сервета «Ошибки по поводу Троицы» будет высказано сомнение о триединстве Лиц, и вследствие этого, будет отрицаться божественная природа Христа. Примерно такое же понимание будет близко Себастьяну Франку, Валентину Вейгелю, Якобу Беме, для которого Троица – это всего лишь некое действие, движение божества, поэтому лица Троицы следует понимать чисто символически как три действия, которые можно сравнить с алхимическими элементами – серой, ртутью, солью.

Иными словами, Возрождение и Реформация, продолжив идеи тринитаризма, сделали шаг на пути к новому философскому направлению – деизму, уже открыто высказывающемуся против троического догмата. Отсюда возникает вопрос: было ли причиной такого понимания учение Августина или же причиной являлось рационалистическая интерпретация его трудов? Как известно, на православном Востоке идеи Августина о Троице были подвергнуты корректировке, поскольку в его работах нет ясного различия между терминами «сущность», «ипостась», «энергия», которое появилось в трудах Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского. Не было также и четкого определения в вопросе об исхождении Духа. Опять же у Великих Каппадокийцев оно обрело четкую формулировку: Дух исходит от Отца, поэтому Лица Троицы невозможно мыслить ни в духе модализма, ни субординационизма и, соответственно делить мировую историю на три этапа по числу Лиц. Возможно, поэтому на Востоке не было заметно увлечения идеями иоахимизма, хотя апокалиптические настроения были свойственны и Западу и Востоку. Тот факт, что падение Константинополя и закат византийской империи не означали для представителей богословской мысли истории и заката Православия свидетельствует о том, что иным было понимание троического догмата, не принявшего учение о «Филиокве». Иным было и понимание действия Божественной Троицы в мире – «предвечный совет» Трех Лиц означал одновременное действие Их, а не раздельное, возможно, поэтому живым воплощением единосущия Лиц и их нераздельности явилась знаменитая рублевская «Троица», в образе которой мы видим идею единения всей твари.

Ссылки и примечания:

1. В 410 году войска Алариха ворвались в Рим и опустошили его, в результате чего в языческой среде вспыхнула очередная волна антихристианских выступлений.
2. Например, Климент Александрийский. См.: Климент Александрийский. Строматы. М., 2000.
3. Климент Александрийский. См.: Климент Александрийский. Строматы. М., 2000.
4. Avgust. De agone christiano // CSEL. Vol. 41.
5. Ibid.
6. Avgust. De civitate Dei. XXII, 30.
7. Avgust. De agone christiano.
8. Символ веры. М., 1991.
9. Там же.
10. Avgust. De agone christiano.
11. Ibid.
12. Tractatus de erroribus Abael // Migne. LXXX.
13. Ibid.
14. В 1213 году трактат Иоахима «О троиче» был официально осужден папой Иннокентием III.
15. Николай Кузанский. О видении Бога // Николай Кузанский. О мире веры. М., 2006.

References and notes:

1. In the year 410 troops rushed to Rome by Alaric and his devastated, resulting in a pagan environment broke out another wave of anti-Christian statements.
2. For example, Clement of Alexandria. See: Clement of Alexandria 2000, *Stromatas*, Moscow.
3. Clement of Alexandria. See: Clement of Alexandria 2000, *Stromatas*, Moscow.
4. Avgust, 'De agone christiano', *CSEL*, vol. 41.
5. Avgust, 'De agone christiano', *CSEL*, vol. 41.
6. Avgust, *De civitate Dei*, XXII, 30.
7. Avgust, 'De agone christiano', *CSEL*, vol. 41.
8. *Creed* 1991, Moscow.
9. *Creed* 1991, Moscow.
10. Avgust, 'De agone christiano', *CSEL*, vol. 41.
11. Avgust, 'De agone christiano', *CSEL*, vol. 41.
12. 'Tractatus de erroribus Abael', *Migne*, LXXX.
13. *Ibid*.
14. In 1213, Joachim's treatise "On the Trinity" was officially condemned by Pope Innocent III.
15. Nicholas of Cusa 2006, 'About the vision of God', *About the world of faith*, Moscow.